

цессе развития северокавказского региона в период формирования на его территории одной из крупнейших империй средневековья — Хазарского каганата.

¹ Бартольд В. В. К вопросу о происхождении «Дербенд-наме» // Сочинения / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. Т. 8. М., 1973; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана: Сб. статей и материалов / Под ред. М.-Г. Садыки, М.-С. Саидова, А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1980; Гадло А. В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1984.

² Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 10; Гадло А. В. Страна Ихран... С. 120.

³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 23—24.

⁴ При подготовке настоящей статьи нами были использованы следующие переводы текста «Дербенд-наме»: переводы арабоязычных версий — см.: Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»; переводы турецких (в том числе турецких) и персидских версий: Тарихи Дербенд-наме / Пер. с языков турецкого, арабского, персидского и французского; Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирван. Баку, 1926; Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung der Kaukasus. Th. 1. Gotha—SPb., 1796; Klaproth J. v. Geographisch—historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und Kaspischen Meere / Bibliothek der neuesten und wichtigsten Reisebeschreibungen. Bd. 50. Weimar, 1814; Klaproth J. Extrait du "Derbend-Nameh", ou de l'histoire de Derbend // Journal asiatique. 2 ser., t. 3. Paris, 1829; "Derbend-Nameh", or the history of Derbend, translated from a select turkish version and published with the text and with the notes... by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851 (в дальнейшем — Kazem-Beg M. A.).

⁵ Гадло А. В. Страна Ихран...

⁶ См.: Там же. С. 134, прим. 23. — Наше мнение, высказанное в статье 1984 г. о том, что тема Балха проникла из арабо-персидской традиции в «Дербенд-наме», нуждается в коррекции.

⁷ Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 26.

⁸ О локализации Семендера см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 125—128. — К сожалению, автор не учитывает мнения В. Г. Котовича и сведений «Дербенд-наме» (Котович В. Г. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана / Отв. ред. В. Г. Котович. Махачкала, 1974; см. также: Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 41—45.

⁹ Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 28.

¹⁰ Там же. С. 28, прим. «ж».

¹¹ Там же. Прим. «з».

¹² Kazem-Beg M. A. P. 6.

¹³ Klaproth J., 1814. S. 96, 99; Klaproth J., 1829. P. 440, 441.

¹⁴ См.: Из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира / Пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1940. С. 23, 24.

¹⁵ Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 34—36.

¹⁶ Там же. С. 27, прим. «к»; Гадло А. В. Страна Ихран... С. 124—125.

¹⁷ Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 35.

¹⁸ Kazem-Beg M. A. P. 65.

¹⁹ Klaproth J., 1814. S. 98; Klaproth J., 1829. P. 457.

²⁰ Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме»... С. 36; Kazem-Beg M. A. P. 66; Klaproth J., 1829. P. 458.

²¹ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 205—209; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 119—126.

²² Котович В. Г. Археологические данные...

²³ Гадло А. В. Этническая история... С. 121—122.

²⁴ Из «Тарих ал-Камиль» Ибн ал-Асира / Пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1940. С. 25.

²⁵ Артамонов М. И. История хазар. С. 170—180.

²⁶ Гадло А. В. Этническая история... С. 107—126.

²⁷ См. там же.

И. В. ДУБОВ, В. Н. СЕДЫХ

КАМЕРНЫЕ И СРУБНЫЕ ГРОБНИЦЫ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Одним из наиболее ярких типов погребального обряда русского раннего средневековья являются захоронения под курганными насыпями в грунтовых ямах в деревянных камерах. Они отличаются конструкцией (срубы или столбовые), но их объединяет много общих признаков. Среди них следует назвать парные захоронения (мужчина и женщина), положение в могилу коня в полной упряжи, наличие костяков в сидячем положении. Среди богатого инвентаря частыми находками являются оружие (например, мечи), скандинавские фибулы, игральные шашки, весы и гирьки, монеты. Наибольшее количество камерных погребений в Шестовицком (10), Гнездовском (до 10) и Тимеревском могильниках (6). Кроме того, такие комплексы выявлены в Ладобе (1), Пскове (1), Киеве (6), Чернигове (2) и ряде других могильников Среднего Поднепровья.¹

Классическими принято считать срубные гробницы некрополя древнего Киева, которые уже давно являются объектами пристального внимания и дискуссий археологов. Первая наиболее полная публикация этих памятников была выполнена Л. А. Голубевой.² Она отметила, что «погребения в срубных гробницах выделяются обилием и богатством погребального инвентаря, характеризующим социальное положение покойников — представителей военной-дружинной знати Киева».³

Затем камерные захоронения в Киеве были проанализированы М. К. Каргером.⁴ Он относит их к категории «погребений знатных дружинников».

Вплоть до настоящего времени спорным вопросом остается этническая принадлежность этих погребений. Многие археологи (В. Б. Антонович, Д. Я. Самоквасов и др.) считали их славянскими, приписывая лишь к разным племенам, — поляне или северяне.⁵ М. К. Каргер, подвергнув критике существующие точки зрения, пришел к выводу, согласно которому существование разных обрядов погребения, а также различия внутри них могут быть объяснены «неоднородностью этнического состава населения крупнейших древнерусских городов...».⁶

Более определенно об этнической принадлежности этих комплексов говорится в работе, посвященной норманским древностям Киевской Руси.⁷ Авторы отмечают определенную сложность в изучении

© И. В. Дубов, В. Н. Седых, 1993

этих комплексов, так как они были обнаружены не во время раскопок, а при земляных работах. Однако они указывают на большое сходство камерных гробниц древнерусского Киева и шведского центра Бирка (причем в обоих случаях такие могилы принадлежат торгово-дружинному слою общества). Вслед за шведскими археологами Т. Арне и Х. Арбманом они склоняются в пользу скандинавского происхождения данных захоронений, оговаривая при этом и возможность иных, в частности социальных, причин отличия данных комплексов от прочих погребений могильников Киева.

В дальнейшем из шести срубных гробниц Киева лишь одна (погребение № 114) была признана скандинавской. Было выдвинуто предположение о том, что этот обряд генетически восходит к погребальным камерам варяжских дружинников, став уже составной частью древнерусской культуры.⁸

Подобная же дискуссия развернулась и вокруг камерных захоронений Чернигова и Шестовицкого могильника.

Б. А. Рыбаков считает, что в таких срубах были захоронены дружинники.⁹

В. А. Кольчатов полагает, что «камерные гробницы Шестовицкого могильника... являются принадлежностью одного этноса». Он утверждает, что «в Шестовицком могильнике мы прослеживаем типично скандинавские погребения в деревянных камерах». ¹⁰ Публикуя материалы Шестовицкого могильника, Д. И. Блитель связывает камерные погребения со славянской обрядностью.¹¹

Шестовицкие камерные гробницы так же, как и Киевские, характеризует наличие парных захоронений (мужчина и женщина), сидячих погребений и наличие в могилах коня в полном снаряжении. На Северо-Западе камерные гробницы известны в двух пунктах — Ладогe и Пскове. В Ладогe они представлены погребальным комплексом варяжского могильника в урочище Плакун (курган № 11). Авторы раскопок (Г. Ф. Корзухина и О. И. Давидан) отмечают, что «погребение описанного типа — гробовище в камере, заваленное бревнами и камнями, и с остатками сожженной ладьи над крышкой — необычно для Приладожья вообще». ¹² Находок в камере нет — сохранились лишь следы от железных и бронзовых вещей.¹³ В Пскове так же, как и в Ладогe, выявлено одно погребение в камере (№ 15). ¹⁴ Оно представляло собой труположение в материковой яме, облицованной досками и перекрытой накатом из бревен. В одной из публикаций ¹⁵ приводятся скандинавские аналогии найденным здесь дугообразной фибуле, футляру для трута, усматриваются отличия от камер Киева и Шестовиц по конструкции сооружения и набору инвентаря. Однако в то же время отмечаются и сходные черты.

Датируется комплекс концом X — началом XI в. Этнический состав некрополя определяется как славянский, но археологический материал свидетельствует о контактах со скандинавами.

Почти сто лет потребовалось для выявления камерных захоронений в Гнездове. Еще в 1899 г. был выявлен так называемый «комплекс 14 июля». ¹⁶ Его реконструкцию в 1982 г. провел В. А. Булкин,

который пришел к выводу, что «в данном случае мы имеем дело с парным (мужским и женским) захоронением по обряду труположения, сопровождаемым конем и расположенным в грунтовой яме-камере». ¹⁷ Он также отметил, что на камерные погребения похожи также курганы № 17 и 18 из раскопок С. И. Сергеева. В заключение В. А. Булкин замечает, что «понадобилось еще почти столько же времени, чтобы предположение о наличии в Гнездове богатых камерных могил стало фактом». ¹⁸

Ранее, в 1976 г., была опубликована работа Д. А. Авдусина, посвященная скандинавским ингумациям в Гнездове, где он отметил: «Два кургана возведены над погребальными камерами, в одной из которых — женское погребение со скорлуповидными фибулами, а в другой — мужчина с вещами и с конем. Наличие в Гнездове погребальных камер можно было предполагать по материалам старых раскопок. Теперь факт их наличия доказан». ¹⁹

Во время раскопок 1982 г. под одной из насыпей была обнаружена яма, в которую был опущен деревянный сруб — могильная камера. В другой яме была найдена камера столбовой конструкции.

Погребальный инвентарь захоронений состоял из овальных и равноплечной фибул, ожерелья из стеклянных желтых, золото- и серебро-стеклянных бус, серебряной крестовидной привески, круговых сосудов, деревянного ведра и чашечки, фрагментов тканей и нескольких свечей. ²⁰

Итак, в Гнездове выявлена группа погребений, совершенных в грунтовых ямах в камерах.

В последние годы в Тимеревском могильнике тоже вскрыт ряд курганов с камерными гробницами. Наиболее выразительным из камерных захоронений является комплекс № 100. На уровне материка под насыпью находилась могильная яма, в которой зафиксированы следы деревянной камеры. Здесь же обнаружены пять обгорелых плех от покрытия сруба, на которых лежала восковая свеча неправильной четырехгранной формы.

Судя по инвентарю, в кургане парное погребение — мужчины и женщины. По краям ямы лежали кости двух лошадей и двух особей крупного рогатого скота.

Здесь обнаружен практически полный набор вооружения — меч типа «W» с клеймом на клинке в виде латинской буквы «C» (70—80-е годы X в.), наконечник копья типа III (70—80-е годы X в.), фрагменты кольчуги, наконечники двух стрел (вторая половина X в.). Снаряжение всадника и верхового коня представлено удилами, стремянами, деталями уздечки и рукоятью плети.

Особо был рассмотрен торговый инвентарь — весы, кожаный футляр для них, гирьки. В кожаном кошельке находились шесть целых дирхемов и одна половинка. На чашечках весов были обнаружены арабские надписи, означающие «налог, подать, таможенные сборы». По другой версии они могли быть свидетельством точности весов. ²¹ Монеты чеканены в хронологическом промежутке — с 963 г. н. э. по 976 г. н. э.

Кроме того, в погребениях кургана № 100 найдены золотой перстень, височные кольца, стеклянные бусы и бисер, ладейные заклепки, фрагменты венчика деревянной чаши с бронзовыми оковками, проволочный браслет, сердоликовая вставка от перстня, стеклянная шашка, замок, остатки ткани.

Курган датируется 70—80-ми годами X в.²² и относится к скандинавским комплексам.²³ М. В. Фехнер и Н. Г. Недошвина сравнивают курган № 100 с датскими и норвежскими богатыми захоронениями и считают его дружинным.²⁴ Они отмечают, что «среди воинских захоронений второй половины X в. выделяются могилы знатных дружинников с мечами и разнообразным богатым набором погребального инвентаря (кург. 100 и 295), принадлежавшие, бесспорно, верхушке феодальной знати».²⁵

В 1976 г. было раскопано два кургана, содержащих камерные погребения. В насыли № 348 зафиксировано кострище с кальцинированными костями. Здесь же лежали обломки двух скорлупообразных фибул, гребня и несколько бус. Второе погребение, совершенное в материковой яме по обряду ингумации в сидячем положении, принадлежало женщине. Инвентарь очень разнообразен — две скорлупообразные и круглая позолоченные фибулы. В ожерелье входили бусы, бубенчики, привески из восточной и западноевропейской монет. Здесь же находились: костяной гребень с бронзовой позолоченной орнаментированной накладкой, серебряный перстень с сердоликовой вставкой, серебряные нити от головного венчика, нож с деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой. В ногах погребенной — разбитые лепные сосуды.²⁶ Время сооружения кургана позволяют определить отдельные находки. Монеты, входящие в ожерелье, чеканены: восточная — в 908—916 гг., западноевропейская — в 900 г.²⁷ Скорлупообразные овальные фибулы из погребения № 1 относятся к типу 51В и датируются первой половиной X в.²⁸ Фибула типа 51 происходит из погребения № 2 и относится к X столетию. Круглая застежка из этого же погребения датируется первой половиной X в. Гребни с бронзовыми накладками на о. Готланд и в Хедебю происходят из комплексов первой половины X в.²⁹ Такую же дату имеет и гребень из Тимерева, а также перстень с сердоликовой вставкой с арабской надписью.

Таким образом, все датирующие находки дают основание полагать, что данные захоронения были произведены в первой половине X в.³⁰ Этнически данный комплекс вполне обоснованно определяется как скандинавский.³¹

Второй курган с камерным погребением (№ 413) раскопан в 1976 г. Здесь под насыпью обнаружены остатки кострища и обгоревшей погребальной камеры (сохранились три стенки из бревен в один венец). Под кострищем в центре камеры в яме находилась глиняная урна с кальцинированными костями человека. Вдоль стен сруба внутри камеры зафиксированы ямки от колышков — видимо, остатки какой-то ограды.³²

В 1977 г. экспедиция Государственного исторического музея исследовала еще один курган с камерным погребением (№ 459).³³ Здесь в

могильной яме была захоронена женщина, которую сопровождал богатый набор украшений и бытовых предметов.

Из первых следует назвать серебряную шейную гривну с нанизанными на нее стеклянными бусами и серебряными подвесками с зернью; серебряные браслет и перстень, янтарные бусы, нательный крестик, вырезанный из дирхема. Кроме того, в состав погребального инвентаря входили обломок еще одной восточной монеты, деревянная чаша с серебряной бляхой на дне, на которой процарапан трехлепестковый цветок, бронзовая чаша с граффити в виде меча и Т-образного знака, ножницы, фрагменты шкатулки, сферическая гирилка, серебряная ложка, держатель цепочки прибалтийского типа, нож и два глиняных горшка.³⁴

Монеты, происходящие из погребения, чеканены в 969—970 гг. Это, а также датировка всего комплекса вещей дают основание датировать захоронение концом X — началом XI в. Этнически оно определяется как скандинавское.³⁵ Н. Г. Недошвина и М. В. Фехнер ставят его в один ряд с курганом № 100, относят к «социальной верхушке общества».³⁶

В центральной части Тимеревского могильника находится курган № 297, раскопанный экспедицией Ленинградского университета в 1984—1985 гг.³⁷ Парное женское погребение размещалось здесь в деревянной камере в яме. Зафиксированы остатки настила и перекрытия камеры в виде деревянных плах и отдельных кусков дерева. В изголовье погребенных внутри камеры обнаружены столбовые ямы, возможно, сохранившиеся детали козырька. Близ камеры найдены сожженные доски лады с заклепками. К востоку от ямы открыты остатки ладьевидной вымостки из камней.

Погребение № 1 женское (30—45 лет), находилось в южной части камеры. Захороненную сопровождали серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, остатки золотого шитья от одежды, костяной игольник на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев с набором железных игл, железные пружинные ножницы, нож с деревянной рукояткой, обмотанной серебряной проволокой, бусы из горного хрусталя и глазчатая, а также два глиняных лепных горшка.

Погребение № 2 принадлежало девочке 11—13 лет и находилось в северной части камеры. Здесь же найдены две скорлупообразные овальные фибулы, дирхем-привеска с ушком (804/805 гг.), бусы горного хрусталя и глазчатая, серебряный перстень с сердоликовой вставкой и глиняный горшок. Здесь же обнаружены остатки отрубленной лапы медведя.

В камере были также найдены ладейная заклепка, железный предмет в виде несомкнутого кольца, фрагменты перевитой металлической ленты тяжелого сплава, а также кости лошади и свиньи. На борту камеры у юго-западного угла обнаружены остатки деревянного ведра, окованного железными обручами.

Датировку комплекса определяют прежде всего скорлупообразные фибулы типа 51К, которые бытовали во второй-третьей четвертях

X в. Обряд погребения и набор вещей позволяют усматривать в этом комплексе скандинавские черты.

Этот курган относится к серии «больших» и «богатых» комплексов Тимереvского некрополя.

Еще один курган с камерным погребением исследован в 1987 г.

Под насыпью кургана № 284 обнаружены остатки деревянной камеры, фрагменты пола и перекрытия, в юго-западном ее углу зафиксированы камни. Погребение мужчины совершено в сидячем положении. В состав инвентаря входят бронзовая фибула, нож, трубочка для фитиля, кошелек, игральная шашка, гирька, два фрагмента восточных монет, пуговицы, два бубенчика, поясная бляшка, фрагменты слюды, две бусы и два глиняных сосуда. Датируется комплекс серединой — второй половиной X в. В составе инвентаря и в обряде погребения можно усмотреть северные черты.

По ряду признаков — инвентарь, наличие деревянной конструкции, парность захоронений — к классическим камерным погребениям близки комплексы, которые можно условно назвать срубными. К серии срубных гробниц, «отличающихся от обычных курганов с трупосожжениями», Н. Г. Недошивина и М. В. Фехнер относят курганы № 85, 141, 277, 287, 344, 460.³⁸

Курган № 85 был раскопан в 1961 г. Под насыпью в центре на материке находилось кострище (3,6×2,5 м), ориентированное по линии север — юг. Толщина зольноугольного слоя — 0,1 м. На кострище были обнаружены три длинные деревянные плахи и пять крупных валунов, лежащих в беспорядке. По всей площади разбросаны кальцинированные кости человека и домашних животных. Анализ костей и инвентаря дает основание полагать, что это было парное захоронение мужчины и женщины. Погребение сопровождалось богатым и разнообразным набором вещей. Основными датированными находками являются фибулы — скорлупообразная типа 51С (середина X в.) и кольцевидная с длинной иглой типа 227 (X в.). Из предметов вооружения здесь найдены фрагмент оковки ножен боевого ножа, детали накладки от лука, обломки колчана, наконечник стрел типа 82 по А. Ф. Медведеву, который датируется X в.³⁹ Аналогичные датировки имеют бусы и гребни, происходящие из этого кургана.⁴⁰ Кроме того, в состав инвентаря входят весовые гирьки, железные инструменты, футляр для фитиля, лировидная пряжка, шип, оселок, обломок шейной гривны, лепные сосуды. М. В. Фехнер датировала данный комплекс второй половиной X в. и отнесла его к финским.⁴¹

Аналогичную интерпретацию получили еще два комплекса (№ 141, 277), исследованные в 1959 г. Под насыпью кургана № 141 на материке находилось кострище с кальцинированными костями двух погребенных, обложенное плахами и крупными камнями. В этом комплексе сочетаются скандинавские и финно-угорские черты. Кроме обломков двух дирхемов⁴² отсюда происходят весовая гирька, обломки оселка, глиняной лапы, гребня, копоушки, рукоятки ножа, железная подковообразная фибула, бронзовая пуговица, две петли, два шила, кругло-

донный горшок. Фибула датируется IX—XI вв. В целом время сооружения кургана можно определить X в.

Обугленные плахи обнаружены на кострище под насыпью кургана № 277. Здесь зафиксировано парное погребение мужчины и женщины. Захороненных сопровождал богатый набор инвентаря. Датированными являются фибулы. Одна из них — равноплечная застежка типа 70—73. Этот тип фибул в Скандинавии бытует со второй четверти X в. и до начала XI в. Две овальные скорлупообразные фибулы относятся к типу 51М (середина X в.). И, наконец, кольцевидная фибула с длинной иглой типа 227 датируется X в. в целом.

Кроме этих находок в состав инвентаря входили также железный коленчатый ключ, хрустальные шарообразные бусы, оковка игровой доски и шашки, фрагменты ларчика и лепных сосудов. М. В. Фехнер датировала данный комплекс второй половиной X в. и относала сначала его к финским. Однако датированные его вещи позволяют определить время захоронения серединой X столетия. Позднее была изменена этническая атрибуция комплекса, и он был отнесен к скандинавским.⁴³

Также парное захоронение обнаружено под насыпью № 287. Здесь тоже кальцинированные кости погребенных располагались на кострище, четко ограниченном плахами.⁴⁴ Инвентарь — навершие меча (вторая половина X в.), наконечник стрелы килевидный трехлопастной (вторая половина X в.), скорлупообразная фибула (тип 51С — середина X в.), подковообразная фибула, глиняная лапа.⁴⁵

Исследователи датируют комплекс второй половиной X в.⁴⁶ и относят его к финно-скандинавским.⁴⁷ В кургане № 344 на кострище, ограниченном плахами, исследовано мужское погребение. Инвентарь — удила, гирька сферической формы, подковообразная фибула с многогранными головками. Комплекс отнесен к финским⁴⁸ и датируется второй половиной X в.⁴⁹

В кургане № 460 на кострище, ограниченном плахами, зафиксировано детское захоронение. Из инвентаря в литературе упоминается лишь пластинчатый браслет с заходящими концами. Комплекс датируется второй половиной X в.⁵⁰ Этническая принадлежность — финская.

В погребальном обряде, инвентаре данных захоронений прослеживаются различные этнические традиции (в том числе — это традиция, восходящая к балто-финно-угорским домикам мертвых).⁵¹

Итак, в Тимереvском могильнике на сегодняшний день выявлено двенадцать курганов с камерными и срубными захоронениями (табл. 1).⁵² Шесть из них содержат парные погребения. В восьми найдены фибулы, в шести — весовые гирьки, а в шести — монеты. Хронологически они укладываются в X столетие, причем половина из них (6) датируется второй его половиной. Подавляющее большинство этих комплексов (9) — скандинавские.

На Руси, как и в Скандинавии, камерные гробницы принадлежат представителям торгово-дружинного слоя, среди которого, как известно, были и выходцы из северных земель.⁵³ Их наличие в Ярославском

Поволжье подтверждает вывод о присутствии здесь в X в. определенного числа норманнов — торговцев и дружинников. Видимо, не случайно, что данные погребения представлены в крупнейших торговых центрах, каковыми являлись в IX—X вв. Гнездово, Шестовицы, Тимерево.

Курганы с камерами и срубам Тимерева могильника

№ кургана	Обряд погребения	Состав погребенных	Наличие коня	Фибулы	Гирьки	Монеты	Датировка	Этнич. принад.
85	сож. на месте	М + Ж	+	+	+	—	середина X в.	сканд.
100	инг.	М + Ж	+	—	+	+	70—80-е годы X в.	сканд.
141	сож. на месте	М + Ж	+	+	+	+	X в.	сканд.-финск.
277	сож. на месте	М + Ж	+	+	—	—	середина X в.	сканд.
284	инг.	М	—	+	+	+	середина — вторая половина X в.	сканд.
287	сож. на месте	М + Ж	?	+	—	—	вторая половина X в.	сканд.
297	инг.	Д + Ж	+	+	—	+	вторая — третья четверть X в.	сканд.
344	сож. на месте	М	+	+	+	—	вторая половина X в.	финск.
348	сож. на месте и инг.	Ж	?	+	—	+	первая половина X в.	сканд.
413	сож. вне кургана	М	?	?	?	?	X в.	?
459	инг.	Ж	?	—	+	+	конец X — начало XI в.	сканд.
460	сож. на месте	Дет.	?	?	?	?	вторая половина X в.	финск.

¹ Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. (по данным погребальных памятников) / Под ред. М. П. Кучеры. Киев, 1987. С. 81—105.

² Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА. № 11 / Под ред. Н. Н. Воронина. М.; Л., 1949. С. 112—115.

³ Там же. С. 112.

⁴ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1 / Под ред. А. Л. Монгайта. М.; Л., 1958. С. 166—212.

⁵ Антонович В. Б. О типах погребения в курганах Киевской губернии // Труды VIII АС. Т. IV. М., 1897. Протоколы. С. 69; Самохвасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908. С. 16—17.

⁶ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. С. 229—230.

⁷ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX—XI вв. / Под ред. Н. Е. Носова, И. П. Шаскольского. Л., 1970. С. 233—234.

⁸ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 12.

⁹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11 / Под ред. Н. Н. Воронина. М.; Л., 1949. С. 20—22.

¹⁰ Кольчатов В. А. Камерные гробницы Шестовицкого могильника // Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. М., 1971. С. 21.

¹¹ Блифельд Д. И. 1) К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. // СА. 1954. № 20. С. 148—165; 2) Давноруські пам'ятки Шестовиці / Под ред. В. И. Довженка. Київ, 1977. С. 20—23.

¹² Корзухина Г. Ф., Давидан О. И. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги // АО 1968 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1969. С. 16—17.

¹³ Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога / Под ред. В. В. Седова. Л., 1985. С. 168.

¹⁴ Лабутина И. К. 1) Раскопки в Пскове // АО 1974 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975. С. 22; 2) Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологическое изучение Пскова / Под ред. В. В. Седова. М., 1983. С. 150—153.

¹⁵ Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА АН СССР. Вып. 166. М., 1981. С. 75.

¹⁶ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15 (рис. 6, 46, 104).

¹⁷ Булкин В. А. 1) Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: Автореф. канд. дис. Л., 1973. С. 13; 2) «Курган № 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Под ред. А. Д. Столяра. Л., 1982. С. 141.

¹⁸ Там же. С. 142.

¹⁹ Авдусин Д. А. Скандинавские ингумации в Гнездове // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. I / Под ред. Г. А. Некрасова. Л.; М., 1976. С. 122—123.

²⁰ Пушкина Т. А. Раскопки в Гнездове // АО 1982 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1984. С. 78—79.

²¹ Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы // Под ред. В. И. Козенковой, Ю. А. Краснова, И. Г. Розенфельдт. М., 1978. С. 188.

²² Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерева могильника // СА. 1985. № 2. С. 111.

²³ Смирнова Л. И. Лепная керамика тимерева курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2. С. 99.

²⁴ Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 112.

²⁵ Фехнер М. В., Недошвина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерева могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 88.

²⁶ Мальм В. А., Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Раскопки Тимерева могильника в Ярославле // АО 1976 года / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1977. С. 59—60.

²⁷ Фехнер М. В., Недошвина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 77.

²⁸ Там же. С. 79.

²⁹ Там же. С. 82.

³⁰ Такую же датировку предлагают Н. Г. Недошвина и М. В. Фехнер (см. их статью: Погребальный обряд... С. 110).

³¹ Там же. С. 108.

³² Там же. С. 112 (рис. 8).

³³ Мальм В. А., Недошвина Н. Г., Фехнер М. В. Исследования Тимерева могильника близ Ярославля // АО 1977 года. М., 1978. С. 72.

- ³⁴ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 80 (рис. 7).
- ³⁵ Смирнова Л. И. Лепная керамика тимеревских курганов... С. 99 (рис. 6).
- ³⁶ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 108.
- ³⁷ Седых В. Н. 1) Исследования у д. Большое Тимерево // АО 1984 года / Под ред. В. П. Шилова. М., 1986. С. 72; 2) Исследования в Тимереве // АО 1985 года / Под ред. В. П. Шилова. М., 1987. С. 101; 3) Новые исследования в Тимереве // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. док. / Под ред. В. П. Шилова. М., 1987. С. 228.
- ³⁸ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 112.
- ³⁹ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие // САИ. Вып. Е1-36. / Под ред. А. Л. Монгайт. М., 1966. С. 81.
- ⁴⁰ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 81, 82.
- ⁴¹ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. Прил.
- ⁴² М. В. Фехнер полагала, что это обломки одной монеты (Ярославское Поволжье... С. 105). И. Г. Добровольский определил их как обломки двух дирхемов.
- ⁴³ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 87.
- ⁴⁴ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 112—113.
- ⁴⁵ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 70, 72, 78, 87.
- ⁴⁶ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 111.
- ⁴⁷ Смирнова Л. И. Лепная керамика... С. 99 (рис. 6).
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 111.
- ⁵⁰ Там же. С. 111—113; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 82.
- ⁵¹ Дубов И. В. «Домики мертвых» Ярославских могильников // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1977. С. 120—123.
- ⁵² Курганы № 85, 100, 141, 277, 284, 287, 297, 344, 348, 413, 459, 460.
- ⁵³ Лебедев Г. С. Камерные могилы Бирки // Тез. докл. Пятой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971. С. 11—13.

В. А. КОЗЬМИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Современное развитие этнографии характеризуется расширением ее предметной области. Возникли такие исследовательские направления, как этнография города, этнография современности, этнография детства, этнография питания, этнография общения (этноэтикет). Успешно развиваются системные исследования культуры, этнических процессов, ряд направлений, названия которых объединяются формантом «этно» — этноэкология, этномедицина, этноботаника, этнометрология и т. д.

Эти направления свидетельствуют о расширяющейся сфере сотрудничества этнографии с другими науками, возникновении междисциплинарных исследований.¹ Данная тенденция требует совершенствования источниковой базы, применяемой в этнографических исследова-

ниях. Отмечается, что содержание понятия источника в современной этнографии отличается широтой. Оно включает в себя как собственно этнографические данные, полученные методом непосредственного наблюдения (полевая этнография) или изучением вещественного материала из музейных и частных коллекций, так и использование данных других наук.²

Представление о комплексном характере источника, используемого в этнографии, требует развития методики его анализа. В связи с этим возникла потребность оформления специального направления — этнокультурного источниковедения, которое бы ориентировалось не на «ведомственную» принадлежность источников, а на конкретный результат получения разносторонней информации применительно к тематике соответствующих направлений исследований.³ Такая безусловно рациональная и определяемая современными тенденциями развития этнографии установка не исключает возможности и даже необходимости учета специфики собственно этнографического источника.

Следует обратить внимание, что этнографический источник по способу получения и содержащейся в нем информации необходимо отличать от источников, используемых в этнографии. В этой связи можно отметить, что «до сих пор полевые исследования... остаются для этнографов важнейшим средством получения информации об этнических свойствах изучаемых объектов»,⁴ что соответствует предмету этнографии как самостоятельной науки. Поэтому определение этнографического источника как любого свидетельства, независимо от характера и способа фиксации, несущего необходимую этническую информацию,⁵ применимо скорее для предмета этнокультурного источниковедения. В то же время специфика собственно этнографического источника заключается в способе его формирования — полевой этнографии или методе непосредственного наблюдения.

Рассматривая метод непосредственного наблюдения в качестве основы получения этнографических фактов, подлежащих интерпретации посредством исследовательской процедуры, мы подходим к вопросу о его месте в формировании этнографического источника. Решение этого вопроса в настоящее время не может быть признано удовлетворительным в связи с отсутствием специальных исследований в рамках проблематики этнографического источниковедения, предполагающего необходимость учета достоверности и репрезентативности источников, их внешнюю и внутреннюю критику для этнографии в целом.⁶ В этой связи в литературе встречаются разнообразные представления, трактующие понятие «этнографический источник».

В качестве такового рассматриваются «полевые (экспедиционные) материалы»,⁷ «полевые наблюдения»,⁸ «материалы, которые этнографы собирают, непосредственно наблюдая этнографическую действительность»,⁹ которые в качестве одной из составляющих более широкого круга источников используются в этнографии. Такая позиция абсолютно оправдана, поскольку она базируется на представлении об этнографии как исторической науке. Поэтому в исследовании этносов как сложных социальных систем используются источники и так назы-